

3. Бердяев Н. А. Самопознание (опыт философской автобиографии). – М.: Международные отношения, 1990. – 336.

Михайлов Виталий Дмитриевич
Белорусский государственный университет культуры и искусств

ВЛИЯНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ БЕЛОРУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНУЮ ПОЛИТИКУ В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ

На белорусских землях в составе Великого княжества Литовского сложился особый интегративный тип культуры, который проявлялся в межконфессиональном согласии (поликонфессиональности) и государственно-церковной политике по сдерживанию религиозных противостояний (политика религиозной толерантности и веротерпимости). В разное время в Великом княжестве Литовском так же, как и в Европе, существовали различные притеснения разных конфессий со стороны государства или определённой группы магнатов, в зависимости от политической ситуации. Например, одной из актуальных предметов полемики в определённое время являлась навязанная Брестская церковная уния. Но при этом, в отличие от европейских государств того времени, на землях великого княжества не было массовых религиозных войн или военно-религиозных гонений. Это можно наблюдать хотя бы на основании того факта, что во многих городах рядом друг с другом строились храмы, костёлы и дома молитвы, мечети и синагоги, относительно мирно существовали иезуитские коллегииумы, братские школы, семинарии.

Такому положению вещей, такой особой ментальности народов, населявших ВКЛ (взаимоуважение, мирное разрешение внутренних противоречий) во многом способствовали гуманистические идеи белорусских мыслителей эпохи Возрождения и эпохи Просвещения. Даже будучи приверженцами той или иной конфессии, носителями различных политических идеологий, они высказывали похожие идеи относительно необходимости мира и взаимопонимания ради достижения «общего блага».

Канцлер Великого княжества Литовского, политический мыслитель и государственный деятель Лев Сапега, в своих предисловиях, публицистических трактатах, в своих обращениях к государственным и религиозным деятелям, осуждал силовое решение межконфессиональных отношений: «Бог не принимает слуг, которых доставляют ему силой» [5,

с. 225]. Конечно же, Лев Сапега был апологетом унии, т.к. считал унию способной объединить и сплотить православных и католиков на территории своего государства. Но при этом постоянно подчёркивал, что переход в унию должен быть обязательно добровольным. По его мнению, справедливое, цивилизованное, правовое общество должно основываться на отделении светской и церковной власти с приоритетным значением светской власти. Фанатизм и самодурство клириков не должны стать причиной политической, экономической и социально-культурной дестабилизации. Правитель государства, по мнению Льва Сапеги – это «человек, который обязан печься об «общем благе» и делах государства»: «... от их (православных) повиновения в Речи Посполитой зависит больше, чем от унии Вашей милости; необходимо, Ваша милость, чтобы Вы свою власть и свои пастырские обязанности соотносили с королевской волей и волей Речи Посполитой (общего блага), которыми власть Вашей милости ограничена, ибо всё, что не согласуется с миром и общественной пользой, может смело рассматриваться как преступление» [2, с. 27]. То есть для него главными ценностями являются мир и согласие между людьми, утверждение «гражданской пользы», или «общего блага», что стоит порой выше индивидуальных и социальных приоритетов, включая религиозные. А политическая позиция Льва Сапеги была в том, что он не защищал только свою веру, а стремился установить межконфессиональное согласие и религиозную толерантность, т.к. сам переходил из православия в католицизм, был против религиозного принуждения, признавал гуманным и законным только свободный выбор своей веры.

Теолог и реформатор Мартин Чеховиц также говорил о том, что «никто никого не должен принуждать к своей вере», а «каждый, кто исповедует свою веру, должен пользоваться широкой свободой» [11, с. 126].

Несмотря на конфессиональную принадлежность, и протестанты, и православные, и католики выступали за религиозную веротерпимость, постоянно апеллируют к идее свободы, говоря о том, что лишение свободы вероисповедания является самым опасным и тяжёлым видом «неволи». Это особенно важно подчеркнуть, т.к. многие гуманисты и просветители великого княжества часто переходили из одной деноминации в другую, порой по несколько раз за жизнь. Поэтому часто в их трудах можно встретить призывы поддержания религиозной свободы.

Писатель-полемист, гуманист, филолог, общественный, политический и церковный деятель Мелетий Смотрицкий говорил об этом такими словами: «Свобода была предоставлена русскому народу в двух формах: тому русскому народу, который исповедует римскую религию по западному обряду, и русскому народу, исповедующему греческую религию

по-восточному. Русь римского обряда остаётся при своей свободе. У нас, у Руси греческой веры, вырывают эту свободу, ибо в этом честнейшем государстве свобода означает жизнь согласно добровольно принятым законам. И когда не разрешают жить по этим законам, а приказывают жить, нарушая их, — эту свободу превращают в рабство. Это добровольно принятое право русского народа греческой веры заключается в следовании греческой религии и в послушании патриарху. Кто отнимает у него это право, отнимает и свободу, ту свободу, которая является первостепенной и без которой всякая свобода перестаёт быть не только свободой, но даже её тенью» [3, с. 180-181]. На примере противостояния православной и униатской церковью Мелетий Смотрицкий указывает, что одной из первоочередных задач государственной власти является защита конфессиональных свобод в обществе. Он писал: «...кто же лишает нас этой святой веры, гарантированной нашим предкам их королевскими милостями польскими королями, тот отбирает у нас наши права, свободы и привилегии, замышляет их уничтожение и стремится сделать нас рабами [...] А если кто-либо пожелает ущемлять эти скреплённые присягой наши права и свободы, то короли обещают и обязуются от таковых защитить нас и наши права. А кто более когда-либо мог ущемить наше право и наши свободы как не те, кто в нашем русском народе уничтожает греческую религию и способствует её упадку?» [3, с. 179-180].

Белорусский гуманист и мыслитель, мемуарист-этнограф Михалон Литвин в своём трактате «О нравах татар, литовцев и москвитян», выявлял положительные аспекты в культурах и традициях разных народов, которые позволяют установить межконфессиональный мир. В числе положительных нравственных качеств он называет «дельность», «воздержание», «храбрость», обращает внимание на справедливость судебной системы дельность [11, с. 128-129]. В пример он ставит религиозную ситуацию у татар, где обязанность молиться «не слагают... на одних священников, хотя и имеют их для молитвы и истолкования закона; но всякий за себя, как духовный, так и мирянин» [9, с. 60].

Восточнославянский первопечатник, мыслитель-гуманист, просветитель, общественный деятель, учёный, медик и писатель Франциск Скорина в своих «предисловиях» выступал за межконфессиональный диалог и сближение, осуждая нетерпимость и религиозный фанатизм. Вместе с тем идею духовной свободы он не доводил до крайнего индивидуализма, а соотносил её с идеей «общественного блага». Он выступал за право каждого человека на относительно независимое толкование библейских текстов, он считал, что простой человек может увидеть в Священном Писании то, что остаётся незамеченным и для хорошо образованных людей:

«Написаны теж и вовнутрь, понеже не толико докторове а люди вченые в них разумеють, но всякий простой и посполитый, чтучи их или слушаючи, может поразумети, что ест потребно к душному спасению его» [8, с. 14].

Весьма актуальными были взгляды митрополита, мыслителя, богослова, писателя-полемиста, государственного и церковного деятеля Ипатия Потей, который в своих проповедях и посланиях выступал за идею равенства гражданских и политических прав для людей светских и церковных. На протяжении всей жизни он был противником войн и насилия как средства решения социальных проблем: «Мир между христианскими народами, даже если он несправедливый, всегда лучше вражды и войны, какими бы справедливыми они не назывались» [7, с. 226]. Признавая необходимость регулирования отношений между светскими и церковными властями, Ипатий Потей высказался против намерений светских магнатов управлять священниками. Он подчёркивал, что диктат над духовными лицами — это оскорбление церкви: «Же, хотите над духовными своими не только въ речах свецких, чого вам не забараняют, пановати, але и въ духовных, до которых ничего не маете, але яко овечки пастыром своим послушни бы быти мелеете! А вы и въ том рядити, церквами Божиими справовати хотите: яко ж на вас смотречи, не только вы, але и жоньки ваши церьквами справуют» [6, с. 231]. В своём труде «Справедливое описание поступков и дел Брестского собора...» Ипатий Потей писал: «Если же речь идёт о людях светского сословия, то те вообще не имеют права вмешиваться в дела церковные: они должны следовать за своими пастырями, как овцы, во всем слушаться духовных отцов, ибо пастырь лучше знает, что овечке на пользу. Поэтому им не нужно оскорблять других людей, а следует успокоить свои сердца» [7, с. 231].

Также и философ, гуманист, религиозный реформатор, теолог, филолог, историк, поэт, философ, педагог и переводчик Сымон Будный, говоря про свободу внутри религиозной общины, указывал на необходимость равенства не только между конфессиями, но и между сословиями внутри конфессии: «Следовало бы, чтобы у нас уже была свобода говорить о божественных делах не только учёным, но и простым людям, не только учителям, но и ученикам, не только пастырям, но и овечкам или слушателям, не только богатым, но и бедным — лишь бы правильно (как пишет апостол); следует, чтобы во всех наших церковных собраниях (zborzech) была свобода говорить о святых делах, о делах спасения, знание которых необходимо всем верующим. А ведь была такая свобода в той израильской общине, а затем и в христианской. Где нет этой свободы, там ещё господствует если не папство, то папское рабство» [3, с. 70]. Как протестант, он отстаивал идею частной проповеди, право каждого христианина

свободно учить, не спрашивая на то разрешения иерархов. В предисловии к «Катехизису» Симон Будный писал: «Павінны мы яшчэ і такія словы памятаць: “Калі сляпы сляпога водзіць, абодва ў яму ўваляцца” [Мф. 15:14]. Ці ты чуеш, любасны мой браце, што цябе сам Гасподзь засцерагае, каб ты ў яму не ўваліўся? Бо ў гэтую яму ўваліцца кожны, хто дазваляе, каб яго вёў сляпы. Чаму ж мы не бязым ад такіх слепакоў? Чаму дапушчам, каб яны нас вялі?» [4, с. 184]. И подобно другим гуманистам, Симон Будный в своей книге «О главнейших положениях христианской веры» осуждал силовое решение религиозных противоречий: «Не дай Боже, чтобы воевать за веру – это обычай безбожных людей» [11, с. 126].

Также многие белорусские просветители, будучи протестантами, осуждали внешнюю, показную религиозность в рамках обоснования необходимости «личной веры». Подобные взгляды разделял, например, политический деятель ВКЛ, философ и правовед, кальвинистский полемист Андрей Волан. В своём труде «Про государственного мужа и его добродетели» он писал: «... народ пакрыў сябе кляймо вечае ганьбы, калі, разбурыўшы саюз і разарваўшы павязі з Госпадам, акунуўся ў нечысьць, і сваё сарамоцце выстаўляе кожнаму стрэчнаму. Прарокі, абуджаныя да слова Госпадам, пастаянна скардзяцца на народ і яго жрацоў, якія пагарджаюць боскім законам і для якіх не існуе аніякай розніцы паміж духоўным і свецкім» [1, с. 521]. Религиозная истина, по мнению Андрея Волана, добывается «не ад чалавечых меркаванняў», а «з вучэння апосталаў і прарокаў» [2, с. 152]. По его мнению, религиозность и моральность человека должны основываться не на внешних проявлениях, а на внутреннем убеждении.

На территории ВКЛ даже в рамках православия или католичества всегда существовала двоеверие: в сознании простого народа мирно сосуществовали христианские и языческие идеи, обряды и праздники, сочетались, казалось бы, несовместимые идеологии. Это отразилось и на идеях белорусского ренессанса. Важными идеями белорусских гуманистов были принцип независимости религиозных убеждений, демократизма церковной жизни, личной ответственности, приоритета общественно-государственных интересов, убеждение в том, что духовные ценности должны быть доступны всем слоям населения как в социальном, так и интеллектуальном смысле. Такой набор идей и принципов можно назвать «христианским гуманизмом».

Ситуация, когда относительно мирно сосуществовали различные этнические и конфессиональные группы закреплялась законами и защищалась государственной властью. И нельзя отрицать того факта, что существовала борьба за умы магнатского сословия и простого народа

со стороны разных течений. Но публицистическая деятельность белорусских мыслителей способствовала установлению высокоморальных ориентиров, интеллектуальному осмыслению имеющихся противоречий, уравниению в правах положения православной и католической шляхты, ведь монархи часто советовались и прислушивались к их доводам, что мы можем видеть из переписок монархов с известными мыслителями в ВКЛ.

Идеи мыслителей Великого княжества легли в основу многих законодательных реформ. В частности, в Третьем Статуте ВКЛ были положения о праве человека на свободу вероисповедания и о веротерпимости в отношениях между конфессиями. В третьей статье третьего раздела Статута ВКЛ толерантность обосновывалась следующим образом: «А иж в Речи Посполитой ест розность немалая з стороны веры хрестияньское, забегаючы тому, абы се с тое причины межы людми зашце яке шкодливое не вщело, которую по иных королевствах ясне видим, обещуем то собе сполне за нас и за потомки наши на вечные часы под обовязком присеги, под верою, чещью и сумненьем нашим, иж которые естесмо розни в вере, покой межы собою заховати, а для розное веры и отмены в костелех не проливать, ани се карати отсуженьем маетности, почтивосьтью, везеньем и выволаньем» [10, с. 113].

Можно привести много примеров единомыслия гуманистов и просветителей Великого княжества Литовского относительно вопросов свободного вероисповедания и межконфессионального согласия. И, хоть и невозможно точно определить степень влияния идей белорусских мыслителей эпохи Великого княжества Литовского на национальное мировоззрение и на нравственные представления белорусского народа, но тем не менее бесспорно, что на основе публицистических трактатов поэтов, писателей, государственных деятелей, философов, теологов ВКЛ сложилась традиция апологии конфессиональных свобод, ликвидации контроля светских властей над духовными и обеспечения равенства не только между конфессиями, но и между сословиями внутри конфессии. Эти идеи и представления и сегодня остаются в ментальности белорусского народа.

Список использованной литературы:

1. Анталогія даўняй беларускай літаратуры, XI – першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. ; падрыхт.: А. І. Богдан [і інш.] ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі. – 2-е выд., выпр. – Мінск : Беларус. навука, 2003. – 1015 с.

2. Гісторыя філасофскай і грамадска-палітычнай думкі Беларусі : у 6 т. / НАН Беларусі, Ін-т філасофіі. – Мінск : Беларус. навука, 2008–2013. –

Т. 3 : Рэфармацыя. Контррэфармацыя. Барока / В. Б. Евароўскі [і інш.] ; рэдкал. тома: В. Б. Евароўскі [і інш.]. – 2013. – 614 с.

3. Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии : избр. произведения XVI – нач. XIX в. / Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т философии ; под общ. ред. В. А. Сербента. – Минск : Изд-во АН БССР, 1962. – 524 с.

4. Літаратура XI–XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А. У. Бразгунова, І. У. Будзько, Л. В. Ляўшун ; навук. рэд. В. А. Чамярыцкі ; прадм. У. В. Гніламёдава. – Мінск : Маст. літ., 2011. – 765 с. – (Залатая калекцыя беларускай літаратуры : у 50 т. / Ін-т мовы і літ. НАН Беларусі ; рэдкал.: У. В. Гніламёдаў [і інш.] ; т. 1).

5. Падокшын, С. А. Філасофская думка эпохі Адраджэння ў Беларусі: ад Францыска Скарыны да Сімяона Полацкага / С. А. Падокшын ; Акад. навук Беларус. ССР, Ін-т філасофіі і права. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 285 с.

6. Саверчанка, І. В. Паэтыка і семіётыка публіцыстычнай літаратуры Беларусі XVI–XVII стст. / І. В. Саверчанка. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 463 с.

7. Саверченко, И. В. Памятники литературы Беларуси X–XVIII веков / И. В. Саверченко. – Минск : Беларус. Энцыкл., 2013. – 462 с.

8. Скарына, Ф. Выбраныя творы / Ф. Скарына ; уклад., прадм., пер. на беларус. мову І. В. Саверчанкі. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 110 с.

9. Сокол, С. Ф. Социологическая и политическая мысль в Белоруссии во II половине XVI века / С. Ф. Сокол. – Минск : Наука и техника, 1974. – 142 с.

10. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 : Тэксты. Даведнік. Каментарыі / Беларус. сав. энцыкл. ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. сав. энцыкл., 1989. – 570 с.

11. Філасофская мысль Беларусі: культурна-історычныя этапы, славянскі кантэкст, методалогія існавання : науч. отчет / А. С. Майхровіч [і др.]. – Мінск : НАН Беларусі : Беларус. навука, 2005. – 177 с.

Новиков Николай Сергеевич

Белорусская государственная сельскохозяйственная академия

ГЕОРГИЙ КОНИССКИЙ О ДВИЖЕНИИ, КАК СПОСОБЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНОГО МИРА

В текущем 2017 году исполнилось 300 лет со дня рождения святого Георгия (Конисского) – архиепископа Могилевского (1717—1795). Сорок